

Людмила КЕОСЬЯН

Красноярск

Людмила Васильевна Кеосьян родилась на Урале 23 декабря 1941 года. Окончила Уральский политехнический институт. По профессии — инженер-конструктор. В юности публиковалась в местной прессе, «Комсомольской правде», с переездом в Красноярск — в «Красноярской газете», альманахе «Русло», журнале «День и ночь». Автор четырёх книг: «Реабилитированные», «Право на крылья», «Самарины» и сборника прозы «Земля и небо». Лауреат конкурсов короткого рассказа за 2020 и 2021 годы, дипломант «Нового Енисейского литератора» в номинации «Проза» за 2022 год.

ПРИДУРОК

Дёмин ехал на работу под впечатлением того прекрасного сна, увиденного им под утро. Перед глазами всё ещё стоял сад, цветущий, благоухающий; над головой — чистое, без единого облачка, голубое небо. И живая мама... В семь часов он, прораб участка по ремонту и монтажу электролизёров, уже был на своём полигоне, весь в заботах и планах на сегодняшний день. Через час на участке закипела жизнь: трактор К-700, этот незаменимый на производстве труженик, привёз катодный кожух в ремонт; заскрипели козловые краны, засверкала сварка.

— А где Иванов? — подойдя к бригаде газорезчиков, спросил прораб у бригадира.

— Понятия не имею. Заболел, может, наш придурок.

— Слушай, хватит! Какой он вам придурок? Сколько лет одно и то же!

Обойдя все бригады, удостоверившись, что всё идёт как и запланировано, пошёл в свой вагончик. Взглянул на часы: десять с четвертью. Давно должен быть на работе Алексей. «Надо позвонить жене: может, случилось что?» — решил Дёмин. Набрал номер их домашнего телефона.

— Алло! — тон голоса сразу дал понять Михаилу, что Муза явно была навеселе.

«С утра», — с неприязнью подумал он.

— А где Алексей, Муза? Его на работе нет. Не заболел?

— Так дома он. В ванной, — и со смешком в голосе: — От говна отмывается.

— Муза, алло, Муза... — но в трубке уже слышались короткие гудки.

Ничего не понял Дёмин. «Что случилось? Но ведь что-то действительно произошло с нашим приду... тьфу, чёрт!.. Ивановым». Алексей появился через час, запыхавшийся, взъерошенный — видно, очень спешил. И сразу — в про-рабский вагончик, к Дёмину.

— Извините, Михаил Яковлевич, я... это... опоздал сегодня, — газорезчик никогда не отличался красноречием, из-за чего над ним часто подтрунивали ребята.

— Ладно, Лёша, успокойся. Иди работай. Напарник уже заждался тебя. Потом объяснишь, что у тебя случилось. Извини, я ухожу, что-то в цехе АВЧ не ладится у нас.

В обеденный перерыв Алексей зашёл к Дёмину в вагончик и сразу, без предисловий, начал рассказывать, что произошло с ним в этот день:

— Ну, вышел я из дому, как всегда, в семь. Я ведь никогда не опаздываю, — взглянул на своего начальника Иванов.

— Да знаю я, знаю, — улыбнулся подбадривающе Михаил.

— Ну вот, иду. Вдруг — слышу какой-то писк: то ли кошка мяукает, то ли ребёнок попискивает. Ну, думаю, какой может быть ребёнок, время-то раннее? Да и писк какой-то странный больно. Иду дальше. А потом как будто меня кто-то остановил: шаг укоротился, а ноги неожиданно, помимо моей воли, повернули меня назад. Не поверите? Честное слово! Никогда такого со мной не было. А мяуканья те не умолкают. Ну и пошёл я, как лунатик, по направлению этих звуков. Там дом строят, туалет поставили для рабочих. И звуки, оказалось, идут как раз из этого туалета. Открываю дверь — вонь такая! У нас так не воняет. Заглядываю в яму, а там — батюшки-светы! — ребёнок, живой! Среди этого дерьма! В тряпье каком-то. Не помню как, но оказался я в этой яме. Только когда стал с ребёнком оттуда вылезать, удивился: откуда там лестница взялась? Вот даже не помню, где я её нашёл, как туда

опустил. Словно в отключке был. Может, и правда у меня с головой того? — Иванов покрутил пальцем у виска, с тревогой взглянув на прораба.

— Да всё у тебя, Алексей, нормально, не хуже, чем у наших умников. А дальше что?

— Ну, ребёнок плачет, голодный, видать; оба мы в дерьме. Вылез, значит, и бегом в детскую поликлинику, хорошо хоть бежать пришлось всего ничего: метров двести, от третьего микрорайона до Кольцевой. А там дверь оказалась заперта. Стал барабанить. Сторожиха ещё не сразу открыла. Сторонится меня, губы кривит — от нас же несёт, да и измазаны все. Но позвонила в скорую и заодно в милицию. Первой приехала скорая, а минут через двадцать и милиция. Допросили меня. Рассказал, как всё было. Сказали, ещё вызовут. Ну, вот и всё. Домой забежал, помылся. А время-то уже почти девять. Вот и опоздал. От проходной вообще бежал бегом.

— Да мог бы и не бежать, Алексей, неужели бы я не понял? Ребёнка спас! Жизнь человеческую!

— Да вы бы поняли, а вот напарник... начал бы ворчать...

— А ребёнка куда увезли?

Алексей встрепенулся:

— А я поинтересовался. Там врачиха оказалась такой хорошей барышней: молоденькая совсем, личико улыбочивое, доброе. Погладила меня по плечу, не посмотрела, что от меня вонищей тянет, да и грязный весь, даже поблагодарила за спасенье ребёночка. Сказала, что повезут в третью детскую. А где эта больница — я и не знаю.

— Молодец, Алексей! Дал бы я тебе отгул за такое дело, но...

— Да какой отгул! И так почти полдня не работал. Да и Семёнов там один запарился. Вы уж извините меня, — и Иванов выскочил из вагончика.

Когда же узнали об этой истории рабочие, мнения разделились. Большинство их одобрительно хлопали Алексея по плечу:

— Молоток, Лёха!

Но были и другие, говоря:

— Придурок — он и есть придурок, в дерьмо полез. Да я бы — ни за что!

Дёмин частенько задумывался: почему к такому хорошему мужику приклеилось обидное прозвище «придурок»? Может, потому, что вот уже второй десяток лет живёт, мучаясь, со своей женой-алкоголичкой, да к тому же женщиной, не способной иметь детей? Мужики сколько раз его убеждали бросить эту Музу и зажечь нормальной человеческой жизнью. А он краснел, хмурился, смотрел на них исподлобья: «Ребята, ну как я её брошу? Пропадёт же она без меня, — а потом вдруг на лице появлялась виноватая, смущённая улыбка. — Да и люблю я её...» Такие разговоры заканчивались всегда обычной фразой: «Ну и придурок ты, Лёшка!»

Прораб почувствовал, что сегодня невозможно вздохнуть полной грудью. Поднял голову. Над полигоном нависло плотное серое облако смога. В этом виноваты были электролизные корпуса и цех анодной массы, извергающие из себя фтор и другие вредные для здоровья соединения. Вздохнул удручённо: его люди на полигоне болели постоянно бронхитом в хронической форме, многие страдали заболеванием суставов, но считалось, что они работают на свежем воздухе и не имеют права на надбавку к зарплате за вредность. Болел и Иванов, даже чаще других, особенно последнее время. Для всех оказалось большой неожиданностью, когда узнали, что именно он, тихий, незаметный человек, начал борьбу за справедливость. Решил доказать, что его заболевание — профессиональное. Сначала обратился в заводской отдел труда и зарплаты, затем в профсоюз работников металлургической промышленности, через некоторое время, поскольку вопрос так и не решался, — в Екатеринбург (в то время Свердловск), там находился институт, занимающийся профессиональными заболеваниями, в конце концов дошёл и до Москвы, написав письмо (уже совместно с Дёминым) в своё министерство. С отправки того письма прошло два месяца.

Михаил спешил на полигон, возвращаясь из цеха капитального ремонта электролизёров взвинченным. Сборка

металлоконструкций двух электролизёров задерживалась из-за нерасторопности отдела снабжения. Заходя на территорию полигона, заподозрил неладное: около одного из рабочих вагончиков стоят милицейский «газик» и скорая. Сердце оборвалось: неужели несчастный случай? Навстречу Дёмину бежала сварщица Степовая:

— Иванова хотят забрать в психушку! Доигрался наш придурок!

Михаил не раздумывал:

— Люба! Быстро всех к рабочему вагончику!

Подошёл к машинам. Возле них — два человека в белых халатах: оказалось, что это санитары — с верёвками в руках. Милиционер в чине лейтенанта, сверкая на солнце золотыми коронками, яростно жестикулируя, показывает рукой в сторону кантователя катодных кожухов. Михаил взглянул: там с резаком в руках стоял Иванов, а несколько поодаль — начальник участка и заместитель главного инженера по технике безопасности Гусинский, видимо, уверенные, что спецоперация обойдётся и без их непосредственного вмешательства.

Минут через пять вся смена, человек тридцать, кто с металлическим прутом, кто с монтировкой — что попало под руку, стояла рядом с прорабом. Все с тревогой смотрели на него. От их начальника сейчас зависит многое. Как он поступит? Хотя и верили в него, зная, что он не даст в обиду своего подчинённого. Дёмин подошёл к лейтенанту:

— Здесь производственный участок. Что вы тут делаете?

— У меня приказ забрать Иванова Алексея и увезти его на обследование.

Глухой ропот прокатился по толпе монтажников, слышались крики:

— Не выйдет! Только попробуйте!

И тут подходит Иванов. Санитары двинулись к нему со своими верёвками. Дёмин сделал три шага, похожих на тройной прыжок в спорте, и встал рядом с Алексеем:

— А ты почему здесь? У тебя есть задание? Иди и выполняй!

Иванов послушно повернулся и пошёл обратно. Санитары — за ним.

— А вы куда? Стоять! — Михаил побледнел.

Он всегда бледнел в стрессовых обстоятельствах и знал это за собой. И рабочие знали. Насторожились. По характеру своему Дёмин был очень сдержанным человеком, но внутри него как будто всегда присутствовала сжатая пружина, которая, если его вывести из себя, молниеносно расправится, и тогда мало не покажется никому: он за себя не отвечает — это, пожалуй, единственное отрицательное качество прораба. Может, из-за этой своей черты характера он в своё время отказался от должности заместителя начальника управления по производству, как бы ни уговаривали его, ублажая и машиной персональной, и совместными охотой да рыбалкой. Но тут Михаил всё-таки совладал с собой. Санитары остановились в нерешительности, вопрошительно вперив взгляд в лейтенанта.

— Тоня! — позвал Дёмин крановщицу козлового крана. — Быстро перегороди дорогу катодным кожухом.

У Антонины только пятки засверкали. Минута — и она уже на кране. Стропальщики без приказа всё поняли, застропили кожух весом двадцать тонн, и вот уже он стоит поперёк дороги, перегораживая выезд с полигона. А другой дороги нет.

Послышался звонок телефона в прорабском вагончике. Выглянувшая из двери нормировщица крикнула:

— Генеральный директор! Просит Гусинского!

Тот сломя голову бросился на вызов. Михаил решительно вошёл следом за ним. В телефоне оказалась включена громкая связь. Голос генерального загремел на весь вагончик:

— Ну что, отправили Иванова?

Тот недовольно, бросив искоса взгляд на Дёмина, пробурчал:

— Нет, Евгений Семёнович, Дёмин его не отдаёт. Настроил тут баррикада, — и, нажав на блокировку громкой связи, вытирая пот с лица, молча слушал своего шефа, время от времени кивая головой.

По-видимому, генеральный настаивал на своём. Михаил, не выдержав, перехватил трубку у Гусинского:

— Это Дёмин.

И тут же заложило уши от режущего крика директора:

— Что ты там себе позволяешь? Немедленно приказы...

— Я с вами на эту тему разговаривать не собираюсь, — сколько позволяли силы, спокойно сказал Михаил. Но потом всё-таки не выдержал и резко, повысив голос так, что почувствовал, что опять бледнеет, отчеканил, разделяя слова на слоги: — Иванова вам не отдам! — и положил трубку.

Возбуждённый, вышел из вагончика. Подошёл к санитарам:

— Уезжайте, не накаляйте обстановку, тут ненормальных нет. Поищите их в другом месте, среди тех, кто вас сюда послал.

И повернулся к милиционеру. Два человека разного возраста, одному за пятьдесят, другому нет ещё и сорока, всматривались друг в друга. И молчали. Во взгляде милиционера сквозило вроде как одобрение, запрятанное далеко внутри себя. А может, так показалось Демину. И он не выдержал первый:

— Мы своих не сдаём, лейтенант! Уезжайте!

Наконец лейтенант разлепил губы:

— Где ты служил, Михаил Дёмин?

— В Бресте, в начале шестидесятых.

— А я — в Афгане. Думал, и ты, — минуту помолчав, выдавил из себя: — Блин, всё, ухожу из этой милиции. Возьмёшь к себе на работу? Меня звать Павел, — и сплюнул в сторону сгусток сухой слюны.

Михаил улыбнулся, поняв, какие чувства обуревают сейчас этого, наверное, неплохого человека.

— Приходи, поговорим. Дорогу сейчас знаешь, — и они одновременно протянули друг другу руки.

Дёмин дал отмашку крановщице, наблюдавшей за происходящим с высоты из своей кабины, та подняла катодный кожух, освободив выезд с полигона.

Вот так закончился тот день. Великое дело — коллектив и человек, не боящийся взять на себя ответственность. Но

самое интересное, что после этого инцидента Иванова придурком больше никто не называл. Как стоворились.

К сожалению, для Дёмина эта история не прошла без последствий. На тот момент в их управлении, переименованном в акционерное общество, было принято решение: за высокие трудовые достижения и многолетний труд в отрасли представить его к награждению медалью «За трудовое отличие». И вдруг сразу всё переиграли. Наградили одного из тех начальников, что стояли в сторонке, с интересом наблюдая, как их работника будут связывать и повезут в психушку.

Жена Михаила, узнав, что произошло на полигоне и последующую историю с медалью, взлохматив по своей давней привычке начинающие седесть волосы мужа, сказала:

— Да ладно, Миша, как говорится, «не до ордена, была бы Родина»...

И оба вдруг услышали голос сына из-за приоткрытой двери его комнаты:

— ...«с ежедневными Бородино».

Улыбнулись, обнялись, а жена добавила:

— Как хорошо, Михаил, что сейчас у нас мирное небо над головой.

И он понял, о чём она сейчас подумала.

Иванов спустя некоторое время обратился к Дёмину с просьбой дать ему характеристику. Он собирал документы на усыновление ребёнка, которого спас. Они с Музой спустя неделю усыновили этого малыша. Назвали Мишей. Говорят, в честь Дёмина. Муза перестала употреблять алкоголь вообще. Вот такая история.